

Вырезка из газеты

КОМСОМОЛЬСКАЯ
ПРАВДА

г. Москва

я. 2269

19 ОКТ 1978

ОПУСТИТСЯ ЛИ ЗАНАВЕС?..

Одни говорят: театр болен, его надо спасать. Другие утверждают: театр стоит на прочных реалистических позициях, поэтому его надо спасти. А меж двух огней — сам молодежный театральный коллектив, вынужденный в антрактах, в перерывах между спектаклями вести борьбу за свое существование. Но, кажется, ему, увы, не выжить...

...До недавнего времени «Театер ам турм» (ТАТ) во Франкфурте-на-Майне ставил пьесы для взрослых и был не ахти как популярен у публики. В 1975 году три партии городского магистрата — СДПГ, СвДП и ХДС дали свое «добро» на новую специализацию труппы: играть для детей и подростков. Тогда и было решено, что репертуар будет строиться так, чтобы «воспитывать молодежь на проблемах современной действительности». Режиссер и директор ТАТ, известный в городе актер Герман Тройш, взялся за нелегкую творческую перестройку. К началу театрального сезона 1977 года Франкфурт-на-Майне имел уже в полном смысле молодежный театр, создававший свой репертуар исключительно для юных.

Молодежных театров в ФРГ, как мне говорили, около полутора десятков. Судя по тому, что о них редко пишут, дела их не блестящи на молодежной сцене творческих

взлетов немного. И вдруг во Франкфурте-на-Майне появляется ТАТ — подросток, о котором сразу заговорили. Раздались лестные голоса зрителей и профессиональных критиков. Разгорелась и острая полемика, которая достигла школьных классов, родительских комитетов, кабинетов политиков. Театр выбирал себе сюжеты, которые «жили» прямо за его стенами.

...В начале октября, в разгар предвыборной борьбы в Гессене, когда во Франкфурте-на-Майне на каждом перекрестке можно было услышать слова «правопорядок», «свобода», «демократия», я заглянул в театр.

Было утро. Служащие, актеры, администраторы курили, болтали, читали газеты — оставалось несколько минут до начала прогона накануне премьеры. Вот-вот должен был появиться Герман Тройш. А пока мы разговаривали с его заместителем Михаэлем Бенном. Вернее, бывшим заместителем, потому что Михаэль уволен из театра.

— Почему же коллектив стал негоден городскому магистрату? — спросил я его.

— Мы поставили, например, «Страх и отчаяние в Третьей империи» Б. Брехта, — говорит Михаэль, — именно тогда, когда всплыло дело премьер-министра земли Баден-Вюртемберг, бывшего нацистского судьи Фильбингера. По-

мнишь, есть в пьесе сцена с нацистским судьей... Так вот публика приняла спектакль с восторгом. Это не понравилось кое-кому...

ХДС, который в городском парламенте располагает большинством, сразу пришлось не по душе прогрессивная политическая направленность театра, и политики решили расправиться с коллективом.

— Вы, мол, поставили несколько пьес, критикующих нашу действительность. А почему бы вам не взять сюжет из жизни стран восточного блока. Сыграйте, например, диссидентов...

В кабинет вошел Герман Тройш. О нем одна из газет писала: «Этот актер создает яркие образы. В политической жизни он так же ярок, агрессивен. Сам молодой, он испытывает удовольствие, работая для молодых».

— Герман, вас тоже уволили?

— У нас это называется так — «не продлили договор на следующий сезон». Но это одно и то же. Уже известно имя нового режиссера и директора. Впрочем, дело не во мне...

8 тысяч жителей Франкфурта-на-Майне и других городов ФРГ поставили свои подписи под письмом в защиту молодежного театра и его художественного руководителя Германа Тройша. Коммунисты и профсоюзы, представители молодежных орга-

низаций и рядовые зрители защищали ТАТ. В своем открытом письме коллектив театра писал: «Мы не увольняли Г. Тройша, он член нашей труппы. Наивно полагать, что наш ансамбль изменит своим принципам».

Дело действительно не только в режиссере молодежного театра — прогрессивная направленность труппы не укладывается в рамки культурной политики ХДС. Если взглянуть на один из пунктов программы партии, там есть довольно броские строки:

«Во Франкфурте-на-Майне должен возникнуть такой климат, который позволил бы работать писателям, артистам, художникам без бюрократической или идеологической опеки». Такие строки хороши для предвыборной борьбы, а потом, когда уже завоевано большинство в магистрате, можно «не продлить договор» негодным.

Так остается без поддержки прогрессивный художник в условиях буржуазной демократии.

— И это называется свобода искусства? — пожал плечами Герман Тройш.

На днях я поехал на премьеру в ТАТ.

У подъезда театра стояла огромная толпа молодых людей и несколько десятков полицейских, вооруженных пластмассовыми прозрачными щитами. Это на всякий случай. В кассе билетов не оказа-

лось. К счастью, меня уanela секретарша Михаэля Бена и любезно устроила на место в шестом ряду.

Свет в зале долго не гас. Наконец трое людей поднялись на сцену. Актриса, молодая девушка, успокоив зал, кивнула парню: давай. «Дело в том, — сказал он, обращаясь к зрительному залу, — что этажом выше в эту минуту проходит предвыборная конференция молодых национал-демократов». Зал зашумел, заволновался.

Актриса громко зачитала протест против этого собрания. И сразу грянула музыка. Спектакль начался.

Рассказать о судьбе молодого безработного в жанре мюзикла? Решение довольно неожиданное. Мне было любопытно — обернется ли режиссерская смелость успехом. И вдруг в середине действия я поймал себя на мысли, что увлечен, поглощен тем, что происходило на сцене. А многие сидевшие в зале узнавали в сценических образах себя, своих друзей.

Это был вечер оаций. Вышел на сцену и Герман Тройш. Он поклонился публике. В этот момент с балкона посыпались листовки: «Спасите молодежный театр!»

Ю. МАКАРЦЕВ.
(Наш соб. корр.)

Франкфурт-на-Майне —
Бонн, октябрь.